

ВИВЬЕН МОНТЕ

Рецепт
ИДЕАЛЬНОГО
Рождества

18+

Вивьен Монте

Рецепт идеального Рождества

«Автор»

2026

Монте В.

Рецепт идеального Рождества / В. Монте — «Автор», 2026

Нора, двадцатиоднолетняя хозяйка маленькой пекарни в Вудстоке, готовится встретить Рождество в одиночестве. У неё нет ни денег, ни свободного времени, ни желания праздновать. Есть только долги, старая печь и память о бабушке, которая когда-то научила её печь пряники. В сочельник, за минуту до закрытия, в пекарню заходит незнакомец. Уставший парень с гитарой в машине и нежеланием ехать к матери на шумное семейное торжество. Он просто хочет кофе. Она просто хочет закрыться. Но когда автоматические ставни опускаются, а умная система зависает, они оказываются запертыми вдвоём. На два дня. Без связи. В пекарне, где пахнет корицей, имбирём и одиночеством. Два незнакомца. Одна пекарня. Два дня до Рождества. Она научит его лепить пряники. Он напишет песню о ней. И оба поймут, что иногда, чтобы найти себя, нужно застрять в правильном месте. С правильным человеком.

© Монте В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Вивьен Монте

Рецепт идеального Рождества

Глава 1

Нора

Снег шёл всю ночь, и к утру город утонул в нём окончательно. Я проснулась за минуту до будильника, потому что тело давно уже научилось обходиться без него, и лежала, глядя в серый прямоугольник окна, где медленно кружились белые хлопья. Будильник всё-таки зазвонил, я сбросила одеяло, и холод мгновенно забрался под футболку, напоминая, что зима в Вермонте — это не декорация, а вполне себе образ жизни.

Потолок над кроватью был старей, в мелких трещинах, и одна из них, длинная и кривая, шла прямо от угла к лампе. Я смотрела на неё каждое утро уже почти год, и она стала чем-то вроде старой знакомой — не то чтобы приятной, но привычной. Иногда я думала, что если бы эта трещина исчезла, я бы, наверное, растерялась. Потому что держаться за что-то знакомое, даже если это просто трещина на потолке, — это единственный способ не сойти с ума, когда всё остальное в жизни меняется слишком быстро.

Студия, которую я снимала, была настолько маленькой, что в ней помещалось только самое необходимое: кровать, стол, лампа, шкаф, который никогда не закрывался до конца, потому что дверца была перекошена ещё до того, как я сюда переехала. Я платила за неё гроши, потому что всё остальное, до последнего цента, уходило в пекарню. Денег не хватало ни на что, и я давно перестала считать, сколько именно мне не хватает, потому что от этих подсчётов становилось только хуже. Здесь я только спала. Иногда мне казалось, что я вообще здесь не живу, а просто останавливаюсь на ночь, как в дешёвом мотеле, где даже не пахнет домом. Хотя нет, пахнет. Но не мной. Старым деревом, пылью, чужими жизнями, которые были здесь до меня и оставили после себя этот запах, как будто специально, чтобы я помнила, что это место не моё и никогда не будет.

Хозяйка, миссис Пирс, жила внизу и почти не выходила из дома. Ей было около восьмидесяти, и она передвигалась медленно, держась за стены. Иногда я слышала через пол, как бормочет её телевизор, включённый на круглосуточном новостном канале, или как она кашляет по утрам, и эти звуки были единственным доказательством того, что в этом доме есть ещё кто-то живой. Мы почти не разговаривали. Она брала деньги и кивала, я платила и тоже кивала, и это было удобно — так никто никому ничего не должен. Кроме денег. И тишины.

Однажды она спросила меня, когда я столкнулась с ней на крыльце:

— Ты всегда так рано встаёшь?

— Да, — ответила я. — Пекарня.

— У Рут? — она посмотрела на меня внимательно, как будто пыталась разглядеть что-то в моём лице.

— Да.

Она помолчала, потом сказала:

— Хорошая была женщина. Твоя бабушка.

— Да, — сказала я. — Хорошая.

Больше мы об этом не говорили. Но иногда, когда я возвращалась поздно и видела, что у неё на кухне горит свет, мне становилось чуть теплее. Как будто кто-то ещё не спит. Как будто я не одна на этой улице.

На стене, прямо напротив кровати, висела фотография. Бабушка Рут, молодая, лет тридцати, может, меньше, стояла в дверях пекарни, которую только что открыла, и смеялась так,

как умела смеяться только она — громко, заразительно, никого не стесняясь. Я смотрела на эту фотографию каждое утро, и каждое утро говорила ей что-нибудь, потому что молчать в этой комнате было невыносимо.

— Доброе утро, ба, — сказала я, садясь на кровати. — Сегодня опять завал.

Она, конечно, не отвечала. Но я чувствовала, что она где-то рядом. Может, в трещине на потолке. Может, в запахе, который вьёлся в мою кожу и не выветривался, сколько бы я ни мылась. Может, в моих руках, которые были точно такими же, как у неё — в муке, в старых ожогах, в морщинках, которых пока не было, но которые обязательно появятся.

Я встала, и пол обжёг ступни холодом. Вода в кране была ледяная, и я плескала её на лицо, стараясь не думать о том, как сильно хочу спать. Волосы я собрала в пучок, небрежный, как всегда, и завязала бабушкин фартук — синий, с выцветшими цветочками, старше меня на добрых двадцать лет. Он был постиран сотню раз, но всё ещё держался, и когда я завязывала его на талии, мне казалось, что бабушка обнимает меня за плечи. Как будто говорит: «Ну что, детка, поехали».

Свитер с оленями, джинсы, кроссовки. В зеркало я не смотрела, потому что там не было ничего нового. Уставшая девчонка двадцати одного года от роду с глазами, которым можно было дать все сорок. Я знала, что выгляжу старше, и давно перестала из-за этого переживать. Так бывает, когда перестаёшь спать. Когда просыпаешься с мыслью о деньгах. Когда считаешь каждую копейку и всё равно не хватает.

Телефон я нашла на полу возле кровати. Три процента. Я опять забыла зарядить его на ночь, и это было так предсказуемо, что я даже не расстроилась. На экране не было ничего. Ни сообщений, ни звонков, только уведомление от банка о том, что баланс ниже минимального. Спасибо, что напомнили. Я и так знаю. Я заблокировала экран и сунула телефон в карман. Три процента лучше, чем ноль. Может, дотянет до вечера. Может, нет.

На улице мороз ударил в лицо, как будто только и ждал, когда я выйду. Снег скрипел под ногами, и каждый шаг отдавался где-то в коленях. Два квартала — это недалеко, но сегодня каждый шаг был маленьким подвигом. Я бежала, не потому что опаздывала, а просто потому, что было холодно и хотелось скорее оказаться внутри, где тепло, где пахнет домом, пусть даже этот дом не мой.

Улицы были пустые. Только снег, только фонари, только мои шаги. Я пробежала мимо книжного миссис Лоусон — темно, мимо аптеки — темно, мимо кафе Бетти — тоже темно. Весь город спал, и только я бежала, как будто у меня было что-то важное, как будто я куда-то успевала. Хотя на самом деле я просто бежала от холода. И от тишины, которая была ещё холоднее.

Пекарня стояла на углу, тёмная и молчаливая, как старый друг, который ждёт тебя с самого утра. Кирпичные стены, большие витрины, деревянная дверь с колокольчиком. Над входом вывеска: «У Рут». Бабушка не стала ничего менять, когда открывала, просто повесила своё имя, и люди пошли, потому что имя что-то значило. Рут знали все. Рут пекла лучше всех в Вудстоке, может, во всём Вермонте, может, во всей Новой Англии. Я не знаю. Я просто знаю, что теперь это имя моё, и я до сих пор не уверена, что достойна его.

Замок замерз, и я долго возилась с ключами, дыша на пальцы и растирая их. Наконец дверь поддалась, колокольчик звякнул, и я шагнула внутрь. Темнота. Запах. Тот самый, который я узнала бы даже с закрытыми глазами. Дрожжи, ваниль, корица, и что-то ещё, что не поддавалось описанию, что-то, что бабушка называла «запахом дома». Для меня это был запах её рук, её фартука, её смеха, её «Ну что, детка, поехали».

Я включила свет, и гирлянды вспыхнули вдоль окон, а ёлка в углу зажглась разноцветными огнями, которые отражались в витринах и в моём сердце, если, конечно, у меня ещё было сердце. Ёлку я поставила в начале декабря, искусственную, бабушкину, с игрушками, которым было больше лет, чем мне. Некоторые уже облупились, но я их не меняла, потому

что каждая была как маленькая история. Вот эта, с отбитым краем — бабушка говорила, что её уронила мама, когда была маленькой. Вот эта, стеклянная, со снеговиком — самая старая, ей лет пятьдесят, может, больше. Я не знаю, откуда она. Бабушка не помнила. Но она всегда висела на самом видном месте.

Я прошла на кухню, включила печь, и она загудела, как старый друг, который всегда рад тебя видеть. Тесто, которое я оставила в холодильнике ещё вечером, подошло за ночь, и я вытащила его, тёплое и послушное, как будто оно тоже ждало меня. Проверила запасы: мука, сахар, масло, яйца. Всё есть. На сегодня хватит. Завтра Сочельник, завтра будет больше заказов, но сегодня обычный день. Ну, насколько обычным может быть день за два дня до Рождества. Я посмотрела на часы. Шесть тридцать. Девочки скоро придут.

Я начала работать, и руки сами знали, что делать — мука на стол, тесто, скалка, раскатывать, сворачивать, резать. Движения были отработанные, почти механические, но в голове было тихо, только снег за окном и запах выпечки, только мои руки и тесто, только я и бабушка, которая где-то рядом.

Я думала о ней. О том, как она учила меня лепить пряники, когда мне было лет шесть. Я стояла на табуретке, потому что не доставала до стола, и она дала мне кусок теста и сказала: «Главное не тесто. Главное руки, которые его месят». Я не понимала тогда. Теперь понимаю. Всё дело в руках, в том, как ты прикасаешься к тесту, к людям, к жизни. Если с любовью, получится. Если без, нет.

Бабушка всегда делала с любовью. Даже когда уставала. Даже когда болела. Даже когда всё шло не так. Она пекла, и улыбалась, и говорила: «Всё будет хорошо, детка. Главное не останавливайся». Я не останавливаюсь. Уже год. С того дня, как её не стало. Иногда я думаю, что было бы, если бы я не вернулась. Если бы осталась в Бостоне, доучилась, нашла работу в ресторане, может, даже в хорошем. Я бы готовила для людей, которые платят много и не смотрят на цену, носила бы белую форму и не пахла дрожжами. Я бы спала по ночам.

Но я вернулась. Потому что бабушка позвонила и сказала: «Нора, детка, я не справляюсь». И я бросила всё. И приехала. И успела. На месяц. Целый месяц, который был самым важным месяцем в моей жизни. Я успела сказать ей всё, что хотела, и услышать всё, что она хотела сказать мне. А потом её не стало. И пекарня стала моей. И я осталась, потому что не могла уехать, потому что это было бы предательством, потому что она верила в меня, а я не могла подвести.

Дверь звякнула.

— НОРА!

Мэйсон. Я узнала бы этот голос из тысячи, даже если бы оглохла. Она влетела в пекарню, как маленький ураган, и сразу начала говорить, не успев даже снять куртку:

— Я не спала. Я придумала новый рецепт. Это будет бомба! Пряничный чизкейк с карамелью. Что скажешь?

Я обернулась. Мэйсон стояла в дверях кухни. Рыжие волосы торчали в разные стороны, очки съехали на нос, на щеке мука. Она, наверное, готовила дома и не заметила. Или спала в муке. С неё станется.

— Скажу, что ты сумасшедшая, — я улыбнулась. — Но давай.

— Я знала! — она подпрыгнула. — Я знала, что ты согласишься!

Она сбросила куртку, надела фартук и встала рядом. Мы работали молча, она над чизкейком, я над пряниками. Мэйсон всегда так. Сначала идея, потом тишина, потом шедевр.

Мы познакомились в кулинарном училище, в первый же день. Я стояла у плиты и не знала, куда поставить руки, а она подошла и сказала: «Ты похожа на человека, который не спал три дня». Я ответила: «Два. Ты похожа на человека, который никогда не спит». Она засмеялась, и мы стали друзьями. С тех пор прошло три года. Она единственная, кто остался. Единственная, кто не уехал. Единственная, кто не бросил.

Я смотрела, как она колдует над своим чизкейком, как её руки двигаются быстро и уверенно, как она что-то бормочет себе под нос, пробуя крем и добавляя щепотку того, щепотку этого. Мэйсон была из тех людей, которые не могут сидеть на месте. Она всегда что-то придумывала, всегда куда-то бежала, всегда горела. Рядом с ней я чувствовала себя старше, хотя мы были ровесницами. Может, потому что она умела радоваться мелочам, а я разучилась.

— Ты собираешься на Рождество к родителям? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— А куда я денусь, — она вздохнула, не отрываясь от крема. — Мама уже три раза звонила. Спрашивала, купила ли я подарки, купила ли платье, купила ли индейку. Я сказала, что купила себя. Она не оценила.

Я засмеялась. Мэйсон всегда умела рассмешить, даже когда не пыталась.

— А ты? — она подняла голову и посмотрела на меня. — Ты опять остаёшься?

— Пекарня.

— Пекарня не умрёт без тебя на два дня.

— Умрёт.

— Нора.

— Мэйсон.

Она отложила венчик и вытерла руки о фартук. Потом подошла ко мне и взяла меня за плечи, как будто хотела встряхнуть.

— Послушай. Я знаю, что ты чувствуешь. Я знаю, что тебе страшно. Я знаю, что ты боишься оставить это место хоть на день, потому что думаешь, что без тебя всё развалится. Но это не так. Пекарня стоит уже пятьдесят лет. Она стояла, когда бабушка твоя болела. Она стоит сейчас. Она простоит ещё немного, если ты уедешь на два дня.

Я молчала. Потому что не знала, что сказать. Потому что она была права, и я это знала, но признать не могла.

— Я не могу, — сказала я наконец. — Не в этот раз.

Мэйсон посмотрела на меня долго. Потом отпустила мои плечи и вернулась к чизкейку.

— Ладно, — сказала она тихо. — Но если ты передумаешь, позвони. Мы уезжаем завтра вечером.

— Хорошо.

Она кивнула и больше не спрашивала. Хорошая подруга. Лучшая. Знает, когда остановиться.

Через десять минут пришла Джулия. Молча, как всегда. Просто кивнула, повесила куртку, надела фартук и встала к столу — тесто для круассанов, её территория. Никто не трогает круассаны, когда рядом Джулия.

— Доброе утро, — сказала я.

— Доброе, — ответила она. И всё.

Джулия работала в пекарне ещё при бабушке. Она знала Рут, любила её, скучает по ней так же, как я. Может, больше. Она никогда об этом не говорит, но я вижу это в том, как она смотрит на фотографию на стене, в том, как её руки замедляются, когда она проходит мимо бабушкиного стола для замеса, в том, как она говорит: «Твоя бабушка научила меня всему».

Джулия старше меня на два года, но кажется, что на двадцать. Она спокойная, надёжная, как скала. Рядом с ней я чувствую, что всё будет хорошо, даже если всё плохо, даже если пекарня рушится, даже если я рушусь. Джулия просто стоит рядом, месит тесто и ничего не говорит. И этого достаточно.

К семи утра витрина начала заполняться — пряники, чизкейк, круассаны, пироги, печенье, всё, что мы успели сделать. Красиво. Пахло так, что я сама хотела остаться здесь навсегда.

Я открыла дверь.

Первый клиент — мистер Харрис. Как всегда, в семь пятнадцать. Булочка с корицей и чёрный кофе. Он заходит каждый день уже лет двадцать. Сначала к бабушке. Теперь ко мне.

— С Рождеством, Нора.

— С Рождеством, мистер Харрис.

Он сел у окна, молча, как всегда. Но я знаю, что он смотрит на снег и думает о жене. Она умерла пять лет назад. Он никогда об этом не говорит, но я знаю. Я вижу это в том, как он держит чашку — обеими руками, будто она может согреть не только пальцы. В том, как он смотрит в окно — не на улицу, а куда-то дальше. В том, как он говорит «спасибо» каждый раз, будто я сделала для него что-то большее, чем просто налила кофе.

Иногда я думаю: а если бы у меня был кто-то? Кто-то, кто смотрел бы на снег и думал обо мне? Кто-то, кто приходил бы каждое утро за булочкой? Кто-то, кто держал бы мою чашку, как будто она единственное, что осталось? Но у меня никого нет. Только пекарня. Только бабушка. Только тесто.

Мистер Харрис допил кофе, аккуратно сложил салфетку, встал и подошёл к стойке.

— Спасибо, Нора. Как всегда, вкусно.

— Приходите завтра, — сказала я. — У нас будет рождественский пирог.

Он кивнул и вышел, и колокольчик звякнул ему вслед. Я смотрела, как он идёт по улице — медленно, ссутулившись, — и думала о том, что одиночество бывает разным. Его одиночество — это память о ком-то. Моё — это отсутствие кого-либо.

Потом забежала миссис Лоусон из книжного. Она уезжает к детям.

— Нора, дорогая! Я уезжаю. Вернусь после праздников. Ты справишься?

— Справлюсь.

— Конечно, справишься. Ты вся в бабушку.

Она ушла, а я смотрела ей вслед. «Вся в бабушку». Я слышу это часто, и каждый раз это тепло и боль одновременно, как будто бабушка где-то рядом и как будто её нет, как будто я это она и как будто я это не я.

Потом пошли клиенты. Много. Утренний поток — это всегда как волна: сначала редкие ручейки, потом всё гуще, гуще, и вот уже не успеваешь поднять голову. Все берут свежее: пряники, круассаны, кофе. Я стою за стойкой, улыбаюсь, варю кофе, заворачиваю выпечку, говорю «с Рождеством» и «спасибо» столько раз, что слова начинают сливаться в одно.

Мужчина в кожаной куртке берёт два круассана и чёрный кофе, говорит, что едет к родителям в Нью-Гэмпшир и боится опоздать. Женщина с собакой — маленькой, дрожащей, в попоне — просит булочку без сахара и долго извиняется, что не может оставить собаку на улице. Я говорю, что всё в порядке, и она улыбается так, будто я разрешила ей что-то важное. Парень лет двадцати берёт три пряника и спрашивает, есть ли у нас подарочная упаковка. Я заворачиваю пряники в бумагу, перевязываю лентой, и он смотрит на них с такой гордостью, будто сам их испёк.

Мэйсон и Джулия работают на кухне, и я слышу их голоса. Мэйсон смеётся — громко, заразительно, как всегда. Джулия что-то говорит — редко, но говорит. И от этого утра становится ещё теплее.

Я смотрю на них, на своих девочек, на свою команду, на свою «семью», и думаю: «Может, я справляюсь. Может, всё не так плохо». А потом кто-то просит кофе без сахара, и я возвращаюсь к реальности.

К полудню поток стих.

Мэйсон сняла фартук.

— Ну, я всё. Чизкейк в холодильнике, пряники на витрине. Я ушла.

— Спасибо, Мэйсон.

— Позвони, если что. Я серьёзно.

Она обняла меня крепко, как всегда, как будто пыталась передать мне часть своей энергии, и у неё это получалось. Немного. Но получалось.

Джулия мыла руки, молча, потом надела куртку.

— Джулия.

Она обернулась.

— Спасибо.

Она кивнула и улыбнулась. Улыбалась редко, но искренне.

— Ты справишься, Нора. Бабушка бы гордилась.

Она ушла, и я осталась одна.

Пекарня опустела. Только я, и запах, и гирлянды, и ёлка, и снег за окном. Я села за столик у окна, взяла чашку кофе и просто смотрела.

Снег шёл медленно и красиво, как в кино, как будто кто-то там, наверху, решил, что сегодня Вудсток должен выглядеть как открытка, и у него получилось. Город был маленький, уютный, весь в снегу. Люди ходили по улицам с пакетами, с подарками, с детьми, все куда-то спешили, все к кому-то шли. А я сидела одна в пустой пекарне и смотрела.

Я подумала о бабушке, о том, как она сидела здесь, на этом же месте, смотрела в это же окно, и, может, думала о том же: о том, что делать, о том, как спасти то, что рушится.

— Ну что, ба, — сказала я тихо. — Осталось два дня. Справимся?

Ответа не было, но я чувствовала, что она бы сказала «справимся». Она всегда так говорила. Даже когда всё было плохо. Особенно когда всё было плохо.

Я допила кофе и встала, потому что пора было возвращаться к работе. Вечерний поток, люди забегают после работы — за пирогом, за печеньем, за кофе. Я должна быть готова.

Они пришли, не так много, как утром, но пришли. Мужчина в дорогом пальто, женщина с собакой, парень с наушниками. Все брали что-то, все улыбались, все говорили «с Рождеством».

Бетти Грин из кафе через дорогу заглянула.

— Неплохо, Нора. Неплохо.

— Спасибо, Бетти.

— Я закрываюсь на праздники. Уеду к сестре. Так что не скучай.

— Постараюсь.

Она ушла, и я осталась.

Я посмотрела на витрину. Почти всё разобрали, осталось несколько пряников и одинокий круассан. Я взяла его, села и откусила. Вкусно. Джулия умеет. Она всегда умела.

Я подумала о завтрашнем дне. Сочельник, последний день перед Рождеством, самый прибыльный день в году. И самый одинокий, потому что все уходят к семьям, а я остаюсь. С пекарней. С тестом. С тишиной.

Восемнадцать ноль-ноль. Пора закрываться. Я проверила замки, выключила свет, и гирлянды погасли, и ёлка тоже, и пекарня погрузилась в темноту. Я стояла в этой темноте и слушала тишину. Она была громкой. Очень громкой.

Я вышла на улицу. Мороз, снег, два квартала. Я шла медленно, потому что не хотела домой. Дома было пусто, дома была трещина на потолке, дома была фотография бабушки, дома была тишина, ещё громче, чем в пекарне.

По дороге я остановилась и посмотрела на небо. Звёзд не было, только снег, только облака, только серое небо. И я подумала: где-то там, в Бостоне, сейчас кто-то тоже смотрит на это небо, и, может, ему так же одиноко, и, может, он тоже не хочет идти домой, и, может, мы когда-нибудь встретимся, и это что-то изменит.

Глупая мысль. Я тряхнула головой и пошла дальше.

Студия встретила меня тишиной. Я разделась, легла и уставилась в потолок. Трещина. Та же самая.

Завтра Сочельник. Последний день перед Рождеством. Я буду работать, потом закроюсь, потом пойду домой. И буду одна.

Я закрыла глаза.

Завтра будет длинный день.

Я не знала, насколько.

Глава 2

Нора

Сочельник начался с того, что я проспала.

Телефон валялся на полу и вибрировал так, что подполз к самой кровати. Восемь пропущенных от Мэйсон. Одно сообщение: «Нора, ты где? Мы с Джулией уже здесь. Ты жива?» Я посмотрела на время и села так резко, что в глазах потемнело. Семь двадцать. Я должна была открыть пекарню час назад.

Я натянула джинсы, свитер, схватила фартук и выбежала, даже не проверив, зарядился ли телефон. Снег был тяжёлый и мокрый, он падал крупными хлопьями и залеплял глаза, и я бежала, ничего не видя, кроме белой пелены перед собой.

Когда я влетела в пекарню, колокольчик звякнул так громко, что я вздрогнула. Мэйсон обернулась от витрины и посмотрела на меня так, будто я вернулась с того света.

— Ты опоздала.

— Знаю. Прости.

— Ты никогда не опаздываешь. Ты заболела?

— Нет.

Она смотрела на меня долго, ожидая объяснений. Я не могла ей сказать, что просто не хотела вставать. Что лежала и смотрела в потолок и думала о том, что сегодня Сочельник, а завтра Рождество, и что я снова буду одна. Мэйсон знала меня слишком хорошо, чтобы поверить в отговорку, но слишком любила, чтобы давить. Она просто кивнула и вернулась к пряникам.

Я сняла куртку, повесила её на крючок у двери и надела фартук. Руки двигались сами, завязывая тесёмки на талии, а голова всё ещё была там, в студии, в сером утре, в трещине на потолке. Я тряхнула головой, прогоняя остатки сна, и прошла на кухню.

Джулия уже месила тесто. Её руки двигались спокойно и уверенно, как будто делали это без неё, сами по себе. Мука лежала на столе ровным слоем, скалка стояла наготове, и в воздухе висел запах дрожжей, тёплый и живой.

— Доброе утро, — сказала я.

— Доброе. Ты в порядке?

— Да.

— Хорошо.

И это было всё. Джулия никогда не спрашивала дважды. Она просто отрезала мне кусок теста и подвинула к моему месту за столом, и я поняла, что она ждала меня. Что она начала без меня, но оставила мне работу, потому что знала, что я приду. Что я не могу не прийти.

Сочельник означал вдвое больше работы, чем обычно. Печь гудела без остановки, и в пекарне стоял такой густой запах выпечки, что казалось, его можно резать ножом. Мэйсон колдовала над чизкейком, который придумала вчера, и он получался даже лучше, чем она ожидала. Джулия делала круассаны, и они выходили такими идеальными, что я иногда думала, будто она продала душу дьяволу за такое умение. А я пекла пряники, один за другим, и складывала их на поднос.

К девяти пришли первые клиенты.

Забегала женщина с двумя детьми. Мальчик лет семи ткнул пальцем в витрину:

— Мам, смотри, пряничный домик!

Я обернулась. На витрине стоял домик, который я собрала вчера вечером. Кривоватый, с подтёками глазури на крыше, но дети смотрели на него так, будто это был настоящий дворец.

— Можно нам такой? — спросила девочка с косичками.

— Это не на продажу, — сказала я. — Это традиция. Бабушка всегда делала такой.

— А где твоя бабушка? — спросил мальчик.

Я замерла. Женщина дёрнула его за рукав, но я уже почувствовала, как что-то сжалось в груди.

— Она умерла. Год назад.

Мальчик посмотрел на меня серьёзно, без смущения, как умеют только дети.

— Но ты продолжаешь делать домики. Значит, она не совсем умерла.

Я не нашлась что ответить. Женщина извинилась, купила пирог и увела детей. А я стояла и смотрела на домик, и в голове звучали слова мальчика. «Значит, она не совсем умерла». Может, он был прав.

Следом зашли две женщины, обе в пуховиках, обе с красными от мороза щеками. Одна из них, та, что постарше, сказала:

— Нора, милая, нам два пирога с яблоками и коробку пряников. У нас сегодня гости, целая орава.

— Сколько человек?

— Двенадцать. Сестра приехала с мужем и четырьмя детьми. Четыре! Я не знаю, как мы все поместимся за столом.

— Поместитесь, — сказала я. — У бабушки всегда помещалось.

— Твоя бабушка, — женщина вздохнула. — Помню её пряники. Я в детстве приходила сюда с мамой каждую субботу. Она всегда давала мне бесплатный пряник. Всегда. Даже когда мама говорила, что не надо.

Я улыбнулась и положила в коробку лишний пряник. Просто так. Женщина заметила и посмотрела на меня с благодарностью.

— Ты вся в неё.

Я кивнула. Эти слова уже не резали так, как раньше.

Они ушли, унося пироги и пряники. Следующим был пожилой мужчина, которого я раньше не видела. Он вошёл неуверенно, стряхнул снег с шапки и долго рассматривал витрину.

— Я ищу что-нибудь для жены, — сказал он наконец. — Она в больнице. В Берлингтоне. Я еду к ней. Хочу привезти что-то вкусное. Она любит выпечку, а я не умею готовить. Совсем.

Я посмотрела на его руки. Они дрожали. Он был взволнован так, как бывают взволнованы люди, которые давно не делали ничего подобного.

— У нас есть пирог с черникой. Он мягкий, не слишком сладкий. И пряники — они хорошо хранятся. Если она не съест сразу, они дождутся её дома.

Он кивнул, и я видела, как он сглотнул.

— Она просто в больнице. Ничего серьёзного. Просто Рождество. Я хочу, чтобы у неё было что-то праздничное.

Я завернула пирог и пряники. Когда он расплачивался, я сказала:

— Передайте ей с Рождеством.

— Передам, — он улыбнулся, и в его глазах блеснуло что-то, похожее на слёзы.

Он ушёл, и я смотрела ему вслед, пока он не скрылся в снегу. Мэйсон, которая вышла из кухни с новым подносом, тоже посмотрела на дверь.

— Кто это?

— Просто человек. Который любит свою жену.

Мэйсон ничего не сказала. Она поставила поднос и вернулась на кухню.

К одиннадцати поток усилился. Люди заходили за заказами, которые сделали заранее, забирали торты и пироги, уносили коробки с печеньем. Некоторые оставались выпить кофе, сидели за столиками и разговаривали. Я слушала обрывки разговоров: о детях, о планах на завтра, о подарках, которые ещё не куплены, о родственниках, которые приедут или не приедут.

Одна женщина лет сорока сидела с чашкой кофе и смотрела в окно. Она была одна, и я видела её здесь впервые. Она просидела минут двадцать, потом подошла к стойке.

— Ещё кофе, пожалуйста.

Я налила. Она взяла чашку и не ушла. Постояла, глядя на витрину.

— Я не хотела идти домой, — сказала она вдруг. — У меня никого нет. Родители умерли, мужа нет, детей нет. Думала, буду сидеть одна и смотреть в стену. А потом увидела, что у вас горит свет.

Я не знала, что сказать. Просто кивнула.

— Можно я посижу здесь ещё немного? Я не буду мешать.

— Конечно! Сегодня Сочельник. Все должны быть где-то.

Она улыбнулась и вернулась за столик. Просидела ещё полчаса, потом ушла, оставив на столе чаевые и записку: «Спасибо, что не выгнали».

Я сложила записку и убрала в карман фартука.

К полудню зашли трое мальчишек, лет десяти, все в одинаковых красных шапках с помпонами. Они долго считали мелочь в карманах, потом купили три пряника и одну булочку на всех. Сели за столик и стали спорить, кому достанется булочка. Потом один из них, самый маленький, сказал:

— Давайте разделим.

И они разделили. Неровно, но по-честному. Я смотрела на них и вспоминала, как мы с Мэйсон в училище делили один сэндвич на двоих, потому что денег не было ни у неё, ни у меня.

Мальчишки ушли, оставив после себя крошки и мокрые следы от ботинок. После полудня Мэйсон начала собираться. Ей нужно было доехать до Берлингтона, чтобы успеть на автобус.

— Позвони мне, — сказала она, обнимая меня так крепко, что хрустнули рёбра. — Если что-то случится. Я серьёзно.

— Позвоню.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она посмотрела на меня, прищурившись, как будто проверяла, не вру ли я. Потом кивнула и пошла к выходу. У двери обернулась:

— И не забудь: пряничный чизкейк должен постоять в холодильнике ещё час, прежде чем его резать. Иначе развалится.

— Помню.

— Врёшь.

— Помню, Мэйсон.

Она ухмыльнулась и вышла. Колокольчик звякнул ей вслед, и в пекарне стало тише. Джулия задержалась ещё на час. Она доделывала последнюю партию круассанов. Когда закончила, вымыла руки и долго смотрела в окно, на улицу, где снег засыпал тротуар.

— Я останусь на праздники у бабушки, — сказала она вдруг. — В Нью-Гэмпшире. Уезжаю сегодня.

— Хорошо.

— Ты точно справишься?

— Справлюсь.

Она кивнула, но не двинулась с места. Стояла и смотрела на меня, как будто хотела что-то добавить. Потом сказала:

— Знаешь, что бабушка твоя говорила? Что пекарня — это не стены. Это люди. Пока есть кто-то, кто помнит запах, то пекарня жива.

Дверь звякнула, и в пекарне стало тихо. Не пусто — было бы слишком сильно сказано, потому что запахи остались, и тепло от печи осталось, и крошки на витрине, и следы муки на столе. Но люди ушли, и с ними ушло что-то ещё. Звук. Голоса. Смех. Я постояла минуту, прислушиваясь к этой новой тишине, потом сняла фартук и повесила его на крючок.

Я прошла в зал и села за столик у окна. Чашка, из которой пила Мэйсон, так и стояла на столе — недопитая, с тёмным кружком кофе на дне. Я взяла её и отнесла на стойку. Потом вернулась и села снова. Мне нечего было делать. Впервые за весь день мне было нечего делать.

Я смотрела в окно. Снег шёл ровно, без ветра, крупными хлопьями, и в свете фонаря казался золотым. Улица была пустая. Только одна машина медленно, осторожно проехала, с включёнными фарами, которые выхватывали из темноты летящий снег. Потом снова тишина.

Я думала о бабушке. О том, как она сидела здесь, на этом же месте, и смотрела в это же окно. О чём она думала? О том же, о чём и я? О долгах, о том, как свести концы с концами, о том, что будет завтра? Или она просто отдыхала? Просто сидела и смотрела на снег, потому что это было единственное время, когда никто от неё ничего не хотел?

Я никогда не спрашивала. А теперь не спрошу.

Я встала. Прошла по залу. Поправила гирлянду, которая отклеилась в углу. Протёрла стол, который и так был чистый. Проверила витрину — почти всё распродано, осталось несколько пряников и один эклер. Я завернула пряники в бумагу, поставила их на край витрины с запиской: «Угощайтесь». Может, кто-то зайдёт завтра. Хотя завтра всё будет закрыто.

Я села обратно. Часы на стене показывали шесть сорок. До закрытия ещё час с лишним, но закрывать было нечего. Я могла бы уйти домой, но домой не хотелось. Дома была трещина на потолке и тишина, ещё громче, чем здесь.

Я взяла планшет, который лежал на стойке. Умная система, которую я поставила в прошлом месяце — электронный замок, рольставни, всё управляется с этого экрана. Я поставила её, потому что в районе начались кражи, и потому что страховая требовала, и потому что я подумала: если не я, то кто? Бабушка бы не стала. Бабушка бы сказала: «Нора, зачем нам эти штуки? У нас есть дверь и замок». Но бабушки не было. Была я. И я поставила систему.

Экран горел ровно, привычно. Я провела пальцем, открыла меню. Всё было на месте: «Открыть», «Закрыть», «Проверить», «Настройки». Я нажала «Проверить». Система прогудела и выдала: «Все компоненты работают штатно».

Я закрыла планшет и положила его обратно на стойку. И тут же услышала звук.

Тихий щелчок. Как будто что-то переключилось в стене, за щитком, в подвале. Потом щёлкнуло ещё раз. Я замерла, прислушалась. Тишина. Только снег. Только ветер. Может, показалось.

Потом загудело.

Низко, тревожно. Гудение поднималось по стенам, от подвала к потолку, и я почувствовала, как оно отдаётся в полу под ногами. Я встала. Гудение стихло. Потом снова стало громче. Потом резко оборвалось.

Я подошла к планшету. Экран мигал. Вместо меню горел белый фон и одна строчка: «Ошибка соединения. Повторите попытку».

Я нажала «Повторить». Ничего. Я нажала ещё раз. Экран мигнул и погас. Совсем.

Я ткнула в него пальцем. Не реагировал.

Подошла к двери и дёрнула ручку. Заперто. Я посмотрела на рольставни — они были опущены до самого низа, металлические, плотные, без единой щели. Я попробовала поднять их руками. Бесполезно.

Я вернулась к планшету. Он был мёртвый. Я поискала кнопку включения. Нашла. Нажала. Ничего.

Я огляделась. Телефон. Где телефон? Я похлопала по карманам. Пусто. Я бросилась на кухню, к столу, где мыла посуду. Там его не было. Я проверила полки, подоконник, кассу. Нигде.

Я села на пол, прямо у стены, и обхватила колени руками. И тут я услышала шаги.

Не внутри. Снаружи. Медленные, хрустящие по снегу. Кто-то шёл к двери. Шаги оставались.

Я подняла голову.

В дверь постучали. Три коротких удара. Пауза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.